

4728

4728

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

- Въ Москвѣ безъ доставки. 3 р. 50 к. с.
- С.-Петербургѣ безъ доставки. 4 » —
- Съ пересылкою во всѣ города. 5 » —
- За доставку на домъ въ Москвѣ предлагается 1 р. с.

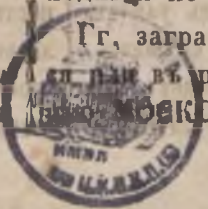
Адресъ: въ Москвѣ, близъ Харитоня въ Огородни-
кажъ, на Покровкѣ, въ Машковомъ пер., въ д. Миллера

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗА ГРАНИЦУ «РАЗВЛЕЧЕНІЕ» СТОИТЬ:

- Въ Германію и Австрію 5 р. с.
- » Бельгію 5 р. 50 к.
- » Францію 6 р.
- » Италію. 6 р.
- » Англію 6 р. 50 к.
- » Испанію 6 р. 50 к.
- » Швейцарію 7 р.

Гг. подписчики, отъѣзжающіе за границу и желающіе получать тамъ «Развлечение», приплачиваютъ къ цѣнѣ журнала столько, сколько приходится по этому разсчету.

Гг. заграничные подписчики могутъ адресовать въ редакцію, или въ Газетную Экспедицію МОСКОВСКАГО Почтамта.

ДЬЯВОЛЬСКОЕ НАВОЖДЕНІЕ

Очеркъ изъ провинціального быта.

I

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Уѣздный городъ Козляевъ,—скучный во всякое время года,—во время прошлаго великаго поста сдѣлался еще скучнѣй. Да, апатія глубокая водворилась въ сердцахъ обитателей Козляева и нестерпимымъ уныніемъ повѣяло отъ ихъ величественныхъ лицъ.

— Эхъ, этта самая рѣдка да огурцы, чтобъ имъ, прости меня Господи! жаловалась чернорабочая козляевская медюзга.—Ужь и надоскучила же этта постная пища, то-есть во какъ!—и не выговоришь. А праздникъ-то звона гдѣ еще... Тѣфу! индо все бока подвело, сейчасъ умереть. Ну, постъ!...

— И что таперича это выходитъ за диво такое постная пища! изумлялось, разводя руками, козляевское купечество.—Бшь кажинный день, слава те Господи, кажись не оченно мало—а все словно голодень. Скоро ли пасхато свѣтлая придетъ къ намъ, право! Покрайности брюхуто не въ примѣръ веселѣй будетъ.

— О, Боже мой, какая тоска! сокрушалось козляевское дворянство.—А поста всего лишь третья недѣля. Господи! слишкомъ мѣсяць до праздника, ужась что такое! Просто не знаешь, куда дѣваться отъ скуки.

Но если вопросъ желудка остался для обитателей Козляева вопросомъ неразрѣшимымъ и его интересы неудовлетворенными, за то вопросъ ума и сердца разрѣшился для нихъ весьма удовлетворительно. Сама ужь видно судьба сжалилась надъ гражданами города Козляева и испослала во утѣшеніе ихъ скучающихъ сердець нѣчто такое, что буквально въ трепеть, въ великую дрожь бросило однихъ, до упаду размѣшило другихъ, привело въ справедливое негодование третьихъ, а четвертыхъ... четвертыхъ словно какимъ обухомъ оглушило своею грандіозностью.

Это необыкновенное, положительно ни на что не похожее, почти невѣроятное событіе взволновало козляевцевъ гораздо сильнѣе, нежели прошлое (последнее) солнечное затмѣніе,—не смотря на то, что последнее солнечное затмѣніе, по увѣреніямъ козляевскихъ стариковъ, свидѣтельствовало собой не о другомъ о чемъ, какъ все о томъ же *скоромъ пришествіи антихриста*, и по этому должно было сопровождаться нѣкими знаменіями зѣло грознаго вида. Когда же, послѣ затмѣнія, совершившагося не только безъ знаменій зѣло грознаго вида, но и безъ всякихъ иныхъ знаменій,—стариковъ принялись уличать во лжи, тогда хитроумные старцы, ни мало не смущаясь, возразили, что, молъ, въ нонѣшнемъ году будетъ еще одно затмѣніе — а вотъ оно-то и выходитъ то затмѣніе,

самое то-есть настоящее, съ разнымъ этакимъ знаменіемъ зѣло грознаго вида. А что вотъ *эпто* теперешнее затмѣніе стало быть послано только для того, чтобъ предзнаменовать *эпто* настоящее-то затмѣніе.

— Зачѣмъ же его предзнаменовать-то? спросили у стариковъ.

— А вотъ зачѣмъ, отвѣтствовали мудрые старцы,—чтобы, значить, грѣшные люди о своихъ душахъ вспомнили, да приутоновились на великій случай. Вотъ оно выходитъ зачѣмъ.

— Врете все! сказали старикамъ.

Старики обозлились и назвали скептиковъ *молокососами*.

Но хотя старикамъ и дали высказаться, представить всевозможные аргументы въ защиту своего пророчества и излить на скептиковъ весь ядъ своего негодованія, однако, на сей разъ никто ужь имъ не повѣрилъ; а въ прошлый разъ почти все до одного, изъ людей богобоязливыхъ, имъ повѣрили. Но и при этой поголовной увѣренности въ появленіи грозныхъ знаменій, начавшееся затмѣніе солнца не произвело тогда на козляевцевъ, такого потрясающаго впечатлѣнія, какое было произведено въ прошломъ посту тѣмъ вышеупомянутымъ, почти невѣроятнымъ событіемъ, о которомъ разскажется ниже.

Это почти невѣроятное событіе мудрые козляевскіе старцы опять-таки приписали дѣйствию сверхъестественной силы, то-есть, отнесли его къ проказамъ *нечистаго*. На этотъ разъ поколебалось смѣніе многихъ и многихъ козляевскихъ скептиковъ, ибо случай-то былъ, дѣйствительно, чрезчуръ замысловатъ для обыкновеннаго смертнаго и каждая богобоязливая голова съ большей охотой отнесла его къ категоріи тѣхъ случаевъ, которые производятся дѣйствиемъ нечистой силы.

Но, можетъ быть, въ суммѣ читателей «Развлеченія» найдется нѣсколько единицъ, переставшихъ вѣровать въ нечистую силу,—вѣдь многое *можетъ быть!* и «напрасно волтеріанцы» доказываютъ, что многого *можетъ не быть*,—такъ вотъ, когда это самое *можетъ быть*, то дѣйствительно случится, и въ суммѣ читателей «Развлеченія» наберется нѣсколько единицъ, способныхъ улыбнуться при имени нечистаго, такъ для такихъ-то лицъ мы и помѣщаемъ во второй главѣ этого очерка правдивое истолкованіе причины, создавшей вышеупомянутое событіе.

II

БАТЮШКИНЫ СЫНКИ.

Въ пятницу, на третьей недѣлѣ прошлаго великаго поста, козляевскіе *батюшкины сынки*, юные дѣтки козляевскихъ купцовъ-капиталистовъ праздновали именины своего друга-пріятеля, двадцатилѣтняго сына купца Подзатыльникова.

Почетный гражданин, Сидорь Антиповичъ Подзатыльниковъ имѣлъ въ Козляевѣ свой колокольный заводъ и жилъ на широкую ногу. Онъ былъ вдовецъ и вдовствовалъ ровно восемнадцать лѣтъ. Былъ у него сынокъ, единственный сынокъ и любимецъ, Андрей Сидоровичъ, красивенькій черноглазый юноша, большой руки франтъ и, какъ поговаривали козляевцы, отчаянный сорвонецъ и кутила, который рано или поздно, а ужъ пустить въ трубу родительскія денежки.

Впрочемъ, если Андрей Сидоровичъ и дѣйствительно былъ отчаяннымъ кутилой, то значить ловко умѣлъ онъ кутить, ибо козляевцы рѣдко видали его пьянымъ, а снисходительный отецъ такъ былъ готовъ принять за него присягу въ томъ, что его сынокъ, окромя лафиту, да и то по маленькой самой рюмочкѣ, и въ ротъ никакого вина не привидяетъ.

Подзатыльниковъ имѣлъ огромное состояніе и былъ весьма почетнымъ лицомъ въ Козляевѣ. Жилъ онъ на колокольномъ заводѣ, въ концѣ города, въ прехорошенькомъ каменномъ домикѣ, выстроенномъ въ одинъ этажъ, но со всеми удобствами для солиднаго вдовца. А сынокъ его помѣщался въ противоположномъ концѣ огромнаго двора, въ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ; имѣлъ отдѣльную прислугу, держалъ *своихъ* лошадей, купленныхъ на батюшкинъ счетъ, конечно, и видался съ отцомъ только во время обѣда и ужина, да за чаемъ, утреннимъ и вечернимъ.

Такъ вотъ его-то именины праздновала козляевская молодежь, праздновала на просторѣ да на свободѣ, потому что самъ Сидорь Антиповичъ давнымъ давно удалился отъ именинника на спокой, оставивши его допировывать съ закадычными друзьями день своего ангела. Ну, и пиروвали друзья! Священный долгъ воздержанія, налагаемый такимъ страшнымъ постомъ, каковъ великій, былъ ради пріятельскихъ именинъ въ полномъ смыслѣ нарушенъ. Но все-таки эти кутящіе молокососы были воспитаны съ малыхъ лѣтъ въ страхъ божіе, а потому и не могли не чувствовать, какую тяжкую вину совершаютъ они и, къ чести ихъ нужно сознаться, что, приступая, или даже только что намѣреваясь приступить къ столь беззаконной попойкѣ, все она единодушно положили между собой непремѣнно покаяться въ этомъ на исповѣди.

И такъ, пирушка въ полномъ разгарѣ.

Головы пирующихъ разгорячены до предпоследняго градуса. Но пройдетъ еще одинъ часъ, много-много полтора, и все эти бодро-приподнятыя головы безсильно поникнутъ, все эти энергичныя фізіономіи покроются сумракомъ апатіи, такъ что даже скверно будетъ смотрѣть на ихъ сонныя, поглупѣвшія лица.

Въ настоящей моментъ, все эти будущіе трупы весело посиживали вокругъ большаго круглаго стола, уставлен-

наго великимъ множествомъ разнокалиберныхъ бутылокъ. Ложавшая подъ бутылками на столѣ бѣлая скатерть была засорена табачнымъ пепломъ, окурками папиросъ, кусками пеклеваннаго и бѣлаго хлѣба, колбасной кожурой и проч. и проч., и, въ довершеніе всего, залита разноцвѣтнымъ виномъ и водкой.

Часу этакъ въ одиннадцатомъ вечера, именинникъ, сидѣвшій посреди гостей за столомъ, внезапно приподнялся со стула, выступилъ на середину комнаты, хватилъ со всего розмаха рюмкой, предварительно опорожненной, о-поль и вскричалъ:

— Э! чортъ... господа! а вѣдь нужно же теперича ознаменовать чѣмъ нибудь сегоднешній вечеръ? Неужли-жъ онъ такъ у насъ даромъ и пропадетъ, безъ всякаго то-есть карамболя?

Все гости приподняли головы, обернулись къ имениннику и съ вопросительнымъ безмолвіемъ остановили на немъ свои пьяные взоры.

— Какъ, братцы вы мои, думаете? спрашивалъ именинникъ.

— А вѣдь это, братъ, ты хорошо выдумалъ, ей-богу хорошо! отозвались гости.

— Значить идетъ?

— Идетъ!

— Отколимъ штуку?

— Отколимъ!

— Съ карамболомъ?

— Да еще съ какимъ—страсть!

— Ладно! Ну, теперь вашъ чередъ, братцы вы мои, изобрѣтать насчетъ то-есть какой нибудь этакой штуки, которую мы учинять должны. Говорите, что бы такое намъ отпороть, да лишь бы только оно позабористѣй вышло, покруче знаете ли того, покруче!...

Гости призадумались.

— Ну что? черезъ минуту спросилъ именинникъ.

— А что?

— Да что! выдумали, что-ли?

— М-мн-нѣтъ! маленько еще намъ подумать, потому не того... плохо знаешь ли въ башки-то лѣзетъ.

— Эхъ вы! упрекнулъ именинникъ. — Ну, думайте. Такъ ужъ и быть! еще двѣ минуты сроку даю.

Гости опять задумались.

— Ну что, выдумали? спустя немного спросилъ именинникъ. — Неужли-жъ нѣтъ еще? Эхъ, братцы! да вѣдь это ужъ срамота выходить. Неужли въ васъ на эстолько мозгу не хватаетъ? А вѣдь все вы у меня головы кажишь умныя... страмъ, братцы!

— Я выдумалъ!!! крикнулъ одинъ изъ гостей, который былъ значительно пьянѣй прочихъ.

Все оборотились къ нему и съ любопытствомъ ожидали, что онъ такое скажетъ.

— Ну, что же ты выдумалъ, говори?

— Пойдемте по городу, возьмемъ въ руки по мазилкѣ и въ которомъ, значить, дому дѣвичья порода живетъ— всѣ ворррота дегтемъ вымажемъ. Ужь чуднѣй этого не выдумаешь!

— Это ничега, братцы! это важно, одсбрилъ который-то изъ гостей.

— Ну, что это! возразилъ имянинникъ. — Какая это штука! это все пустяки. Пѣтъ, а что иибудь придумать-бы посолиднѣй! экакъ позабористѣй; а то ворота дегтемъ мазать— ну что это за штука!

— Я выдумалъ! крикнулъ другой гость, тотъ самый, что одобрилъ выдумку пачкать ворота дегтемъ.

— Ну, говори, обратились къ нему присутствующіе.

— Вотъ мы что сдѣлаемъ, братцы! Пойдемте всѣ на набережную, возьмемъ по кирпичу въ руки и выбьемъ изъ оконъ городскаго головы всѣ стекла.

— И это недурно. Эхъ ты! хошь бы по-складнѣй выдумалъ-то!

— Этого нельзя, промолвилъ имянинникъ. — За эту штуку, братецъ ты мой, достанется. Ну, придумывайте, господа, придумывайте.

— Пѣтъ, погоди, постой, заговорили гости,—нѣтъ, теперича самъ ты придумывай.

— Что! али на понятную? Осрамились. То-то!

— Да что же дѣлать! дѣлать ужъ видно нечего: такова наша судьба. Ужь ты самъ выдумывай, изобрѣтай самъ, потому значить мы .. да чорта ли намъ о себѣ распространяться-то! Вѣдь мы ужъ, самъ знаешь чай, въ эвтакихъ штукахъ, братецъ ты мой, передъ тобой—насъ!

Имянинникъ глубокомысленно потупилъ голову, приложилъ указательный палецъ ко лбу и нахмурилъ брови.

— Малую толику терпѣнія—и мы изобрѣтемъ! промолвилъ онъ и подоидя къ столу, снова усеѣлся на свое прежнее мѣсто.—Ну, братцы! станемте продолжать нашу компань и пошлемъ къ чертямъ всякую суету земную.

— Андрюша! это, братецъ, ты вѣрно сказалъ.

— А не отъагать ли, друзья, комаринскаго съ трепачкомъ, а то колы того... такъ и съ барыней?

— Важно! одобрилъ имянинникъ.—Курносоевъ! подавай гитару. А кто, братцы, изъ васъ лучше всѣхъ играетъ комаринскаго и кто, значить, отличается насчетъ барыни?

— Для комаринскаго мужичка Свилогузовъ всѣхъ лучше.

— Ну, а для барыни?

— Для барыни... Да кто для барыни? Всѣ мы для барыни того...

— Пѣтъ, окромя шутокъ!

— Да кто! Да ужъ коли пошло на барыню, такъ лучше Просвирина никто этаго дѣла не обработаетъ.

— Эй, Просвирина! Хорошо обработаешь барыню?

— Смотря по тому, какую...

— Да полно же, чортъ!

— Да Господи! не знаю же... Можетъ изъ васъ отыщется и половчѣй кто. А я пробовалъ, ну и...

— Ну и что-жь?

— Да ничего. Хорошо выходило.

— Ну, такъ значить Просвирина барыню играть будетъ, а Свилогузовъ комаринскаго.

Свилогузовъ вооружился гитарой. Столъ отодвинули въ сторону. Самъ имянинникъ, какъ знаменитость по плясовой части, выступилъ на середину комнаты.

— А что, братцы, провозгласилъ имянинникъ, — по всѣмъ, значить, правиламъ искусства отлупить комаринскаго, али не по всѣмъ правиламъ?

— Луи по всѣмъ! вскричали гости,—безпремѣнно по всѣмъ правиламъ, а то шику настоящего не будетъ.

— Ну, такъ подавайте мнѣ кушакъ, сапогъ и вѣшникъ.

Имянинникъ перепоясался кушакомъ и пристроилъ къ поясу съ одной стороны сапогъ, поскомъ впередъ, а съ другой стороны вѣшникъ.

Лица гостей засіяли отъ удовольствія; всѣ они ожидали эффекта поразительнаго отъ пляски.

— Начишай! скомандовалъ имянинникъ.

— Перекрестись, Андрюша: грѣхъ вѣдь! на дворѣ-то постъ.

Свилогузовъ ударилъ по струнамъ, а имянинникъ подбоченился и пошелъ, прищывая:

«Размилѣйшій мой комаринскій мужикъ,

Эхъ! зачѣмъ ты свою барыню пришибъ»...

— Помельче, Свилогузовъ, паяривай! крикнулъ имянинникъ.

— Въ разсыпную, Свилогузовъ, кричали гости,—хвати, братъ, въ разсыпную.

— Братцы! звуковъ побольше, звуковъ! побольше грому! кричалъ имянинникъ.

— Эхъ-ма! жаль, канальство, что скрипицы нѣтъ, али каларнета,—то-то бы состроили музыку, страсть!

— Скрипица что—пустяки! нищить только. Пѣтъ, а вотъ кабы гармонію съ балаалайкой, да еще бубенъ—фть! вотъ такъ была бы штука.

— Грому побольше, братцы! кричалъ имянинникъ.—Валяй кто во что гораздъ—ничего! ладно будетъ.

Тутъ гости схватили пожи, бутылки, стаканы и проч. и принялись отбивать ими тактъ; а другіе, за неимѣніемъ инструментовъ, издающихъ музыкальные звуки, приложили кулаки къ губамъ, или принялись стучать каблучками по полу. Произшелъ страшный гвалтъ и стукотни невыразимая. Гитары стало совѣмъ неслышно и финалъ комаринскаго мужичка вышелъ въ полномъ смыслѣ громоу.

— Лихо, братцы мои! Вотъ пляшетъ-то лихо! вскрик-

нуля и некоторые изъ гостей, когда имянинникъ словно кубарь завертѣлся по полу вприсядку.

— Молодецъ, Андрюша! уррра! Вотъ пляшетъ-то! И чортъ его не знаетъ, гдѣ онъ только навострился этакъ. Важно, Андрюша! молодецъ! вотъ такъ ужъ того... уважилъ. Ай-да, Андрюша!

— Фу-ухъ! усталъ, братцы! съ гордымъ самодовольствомъ промолвилъ имянинникъ и эффектно выдернулъ фуляровый платокъ изъ бокового кармана, которымъ и началъ отирать влажныя щеки.

— Ну, Андрюша, сказали гости, — опосля такой пляски, ты, другъ ты нашъ разлюбезный, долженъ выпить цѣльный стаканъ мадеры, вначе будешь свинья.

— И по-отдохнуть малую толику, присовокушилъ отъ себя имянинникъ.

— Да, и поотдохнуть, подтвердилъ кто-то изъ гостей. — А поотдохнувши, проплясать намъ наилучшимъ манеромъ барыню.

— Да! и наилучшимъ манеромъ проплясать барыню.

— Готовъ на то и другое, промолвилъ имянинникъ, чѣмъ и вызвалъ со стороны друзей оглушительное ура.

Затѣмъ гитара перешла отъ Свилогузова къ Просвирину и началась пляска, финалъ которой нисколько не уступалъ комаринскому.

Аплодисментамъ и восторгу не было конца.

— А что-же, другъ ты нашъ разлюбезный, спустя нѣсколько времени, заговорили со всѣхъ сторонъ обступившіе имянинника гости. — Что-же ты хотѣлъ придумать-то, насчетъ карамболя-то? Готово-ли?

Имянинникъ ударилъ себя по лбу и съ весьма серьезнымъ выраженіемъ поднялся изъ-за стола.

— Готово ли, спрашиваете вы... ми-иѣтъ, еще не готово: не созрѣло еще! Но — зрѣеть и, я думаю такъ, что черезъ полчаса созрѣетъ совсѣмъ, только вотъ нужно того... малую толику порастрасти себя, по-освѣжить...

Онъ всталъ изъ-за стола, взялъ свѣчку и отправился было въ переднюю, но... вдругъ словно какая нибудь испанская рука повернула его лицомъ къ пирующимъ и онъ воскликнулъ:

— Уррра, братцы! Изобрѣтено!

— Уррра! подхватили гости.

— Вотъ будетъ штука-то!

— Ну-у-у!

— Страсть!

— Лихой карамболь?

— Страсть, я вамъ скажу!

— И, значитъ, съ этакимъ съ безобразіемъ?

— У-у-у! что только будетъ!

— А намъ-то самимъ ничего не достанется?

— Ни шиша, братцы!

— Ой-ли?

— Сейчасъ издохнуть! А какого то-есть переполюху зададимъ всему городу — страсть!

— Ой-ли?

— Сейчасъ умереть.

— Да ты что придумалъ-то, рассказывай поскорѣй.

— Слушайте...

И онъ рассказалъ.

И рассказъ его вызвалъ со стороны друзей гомерическій хохотъ.

А. П. Волгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАГРАДНЫЯ

Рассказъ.

I.

Иголка быстро мелькала въ маленькихъ, худенькихъ ручкахъ. Шила и тихо напѣвала тоненькимъ, дрожащимъ дискантомъ:

Ижно пѣсенку спою...

Заплакало дитя.

Темно, сыро, грустно въ маленькой комнаткѣ нижняго этажа. Дремлющая лампа, словно въ ожиданіи щедрой награды за усердіе, старается не заснуть, блѣдно, ровно освѣщаетъ крошечный, худенькій профиль, мѣрно движущуюся крошечную, худенькую ручку, сверкаетъ золотомъ въ иголкѣ и, въ бесплодной борьбѣ съ жестянымъ колпакомъ, рѣзко-очерченнымъ кругомъ ложится на столъ. Безотрадно-тихо въ маленькой комнаткѣ нижняго этажа, и только маятникъ, съ неумолимымъ однообразіемъ отсчитывающій секунды, свидѣтельствуетъ, что здѣсь не каткомбы, и только давнымъ-давно поблекшая пуговица, робко выглядывающая изъ-за борта висящаго на стѣнѣ отставнаго вициундира, да кинны дѣловыхъ бумагъ, кучей сваленныя въ красномъ углу, заявляютъ, что здѣсь — жилое мѣсто, и живетъ не кто нибудь, а чиновникъ — маленькій, бѣдный, сгорбленный...

Словно испугавшись давящей тишины, дѣтски — неутѣшно заплакалъ будущій маленькій чиновникъ. Вздогнула мать и брасилась къ нему.

— Митенька, Митенька! — зашухкала она, наклонившись надъ корытомъ, замѣнявшимъ колыбель; — спи, голубчикъ! спи, ангелъ!...

Но добрыхъ полчаса прошло прежде, чѣмъ унялся и снова заснулъ голубчикъ и ангелъ.

И снова стало все тихо; по прежнему зачикалъ маятникъ, засверкала иголка, послышался робкій, тоненькій дискантъ пѣсенки:

Колотушекъ надаю...

По небу откуда-то издали и куда-то вдаль неслись тяжелыя, суровыя, совсѣмъ не веселыя тучи. Шелъ дождикъ. Не успѣвшія еще перебраться на дачу вороны каркали тоскливо. Грязь была вездѣ—надъ головами, подъ ногами и даже въ сердцахъ несчастливцевъ, лишенныхъ средствъ застаться зонтикомъ, но понуждаемыхъ вопіющей необходимостью прогуляться нѣсколько верстъ подъ даровой душой.

Въ эту еще не совсѣмъ позднюю пору пробирался по грязному, ухабистому тротуару глухаго переулка одинъ изъ такихъ несчастливцевъ—маленькій, бѣдный, сгорбленный чиновникъ. Онъ шелъ торопливо, шлепая огромными мокроступами, заботливо прижимая къ сердцу дырявую портфель съ бумагами и самъ прижимаясь къ стѣнкѣ, чтобъ не очень ужъ промокли и бумаги, и ветхое пальто. Повернувъ въ калитку двухъ-этажнаго дома, чиновникъ поскользнулся и, машинально ухватившись за косякъ, чтобъ не упасть, сердито плюнулъ; потомъ пробормоталъ что-то и осторожно спустился по нѣсколькимъ изломаннымъ ступенькамъ къ двери маленькой комнатки нижняго этажа.

— Ну, Лизокъ, здравствуй!—весело сказалъ онъ, положивъ портфель на кши бумаги и осторожно снимая съ себя старенькое пальто;—что не весела?...

Она подвѣяла голову и болѣзненно улыбнулась ему.

— Что не весела? — продолжалъ онъ, пристально смотря на нее;—развѣ опять ничего нѣтъ?...

— Чему-жъ быть-то?—отвѣчала Лизокъ вполголоса, словно про себя;—самъ знаешь, Миша,—ничего... Ходила давеча въ магазинъ—еще нѣтъ, говорятъ, такой работы, чтобъ по вась....

— Гмъ, скверно! А ты, Лизокъ, все-таки не горюй: нынче я тебѣ новость скажу, веселую такую, веселый праздника....

Но Лизокъ, по-видимому, короче знакома была съ веселыми новостями, чѣмъ съ праздниками, потому что не обратила ни малѣйшаго вниманія на радостное потиранье рукъ мужа и продолжала грустно смотрѣть въ землю.

— Супруга моя возлюбленная, кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея,—началъ онъ комически-нѣжнымъ тономъ, становясь противъ нея въ позѣ перваго любовника провинціальныхъ сценъ;—види же, наконецъ, въ радость супруга твоего! Къ чему безнадежно опустила ты руки по швамъ?... Почто надула свои алыя губки?... Что привлекаетъ прелестные взоры твои на полъ?... Какая уродливая кисть провела эту непотребную морщинку на бѣлоснѣжномъ лбу твоемъ?... Рцы ми слово твердо, отвѣтствуй!... Молчишь? Ну, такъ слушай же: благовѣрный супругъ твой съ радостнымъ біеніемъ любящаго тебя сердца намѣренъ сообщить тебѣ новость ве-

лякой важности, новость, въ сравненіи съ которой трескъ мексиканскаго престола нуль....

Лизокъ векинула на него удивленный взглядъ: непривычно-веселый тонъ рѣчи видимо поразилъ ее.

— Ужъ не за смѣту ли получилъ?

— За смѣту? О, нѣтъ: то—еще въ прекрасномъ, розовомъ далекѣ.

— Ну, такъ бумажникъ нашелъ?...

— Не находилъ я никакого бумажника.

— Да говори же толкомъ! —Она начинала сердиться.—

Къ награды что ли представлени?...

— Ты угадала, олицетворенная пронципальность! — вскричалъ онъ торжественно и бросился было къ женѣ, но въ это время опять пошевелился будущій чиновникъ, и Миша, хлопнувъ себя по лбу, осторожно опустился на стулъ. — Ты угадала, возлюбленная моя, — продолжалъ онъ шопотомъ,—и я сейчасъ разцѣлю тебя за это отъ всего моего радующагося сердца. По прежде — накорми ты меня, успокой мое негодующее, неблагодарное чрево!...

— Накормить? Чѣмъ тебя я накормлю? Отъ обѣда—самъ знаешь—ничего не осталось....

— Ничего? И хлѣба нѣтъ?

— И хлѣба нѣтъ.

Пригорюнился и Миша.

— А я думалъ было понировать нынче на радостяхъ,—началъ онъ своимъ обыкновеннымъ тономъ, тѣмъ тономъ, которымъ говорятъ лишь бѣдные, сгорбленные чиновнички, незнающіе въ жизни другой радости, кромѣ лихой высылки въ праздникъ поелъ обѣда съ говядиной. — Какъ же быть?... А мнѣ, какъ на зло, пуще прежняго захотѣлось есть.... Заложить бы что-нибудь?... робко кончилъ онъ, искоса бросая на жену нерѣшительный взглядъ.

— Да что закладывать-то?... Вѣдь, все уже перетаскали къ жиду...

Онъ вздохнулъ и украдкой осмотрѣлъ стѣны комнаты. Взглядъ его остановился наконецъ на углу съ образами.

— Давеча жидъ попался, говоритъ—выкупайте, а то продавать стану,—продолжала Лизокъ, не глядя на мужа;—а чѣмъ выкупать? До мѣсяца еще сколько осталось. Денегъ ни гроша, а тутъ еще—жить надо....

— Я вотъ что думаю, Лизокъ, — опять вздохнулъ Миша;—оно, конечно, вещь священная... родительское благословеніе... ты такъ и скажи ему, что это родительское благословеніе, что мы не оставимъ ее, выкупимъ непременно...

— Да ты про что говоришь?

— Непременно выкупимъ,—продолжалъ онъ, не слушая жену;—какъ только получу наградныя, такъ и вы-

кушимъ. Вещь богатая, серебро отличное — они же падки на серебро.

— Да ты что выдумалъ?

— И капиталъ, и проценты—все за все сразу заплатимъ. Скажи ему, что я скоро, на дняхъ получу деньги... много денегъ....

Съ послѣдними словами онъ всталъ, порекрестился, снялъ со стѣны небольшую икону въ серебряномъ окладѣ, и подалъ ее женѣ.

— Къ жиду?... родительское благословеніе?... испуганнымъ шопотомъ сказала она, медленно протягивая руку къ образу.

— Выкупимъ!—рѣзко отвѣтилъ онъ и, отвернувшись, махнулъ рукой;—да вотъ что, Лизокъ: цѣлковыхъ полтора, а то и два, онъ вѣрно дастъ.... дастъ вѣдь?... Ты и купи того-сего, ну—чего знаешь. Потомъ... я таки порядкомъ озябъ и промокъ, Лизокъ.... понимаешь?

Лизокъ накинула платокъ и молча ушла.

Черезъ полчаса на столѣ стояла тарелка съ недоѣденной колбасой, маленькій графинчикъ, уже порожній и миска кислаго молока, быстро мельчавшая отъ совокупнаго дѣйствія обонхъ супруговъ. Слышался только глухой звукъ тренія деревянныхъ ложекъ о голодные зубы.

— Славно поужинали, Лизокъ!—сказалъ, наконецъ, Миша, съ наслажденіемъ откидываясь на спинку стула и утирая ротъ носовымъ платкомъ; — хоть бы и каждый день такъ ужинать!

— Ну, каждый день такъ ужинать нездорово,—улыбнулась Лизокъ.

— Нездорово? А я, вотъ, думаю, что очень здорово! Знаешь, что я думаю еще? Не пообѣдать ли намъ завтра съ говядиной? Праздникъ, вѣдь... къ тому-же начальникъ нашъ вманишникъ, добрый такой, награды назначилъ,—одно къ одному.

— Какъ хочешь, но мнѣ — пожалуй. Только если станемъ кутить на полтора цѣлковыхъ, такъ не на долго хватить ихъ....

— Ничего, перебьемся какънибудь! Послѣ завтра, говорятъ, награды будутъ выдавать. Вотъ-то заживемъ!

— Да, заживемъ!—насмѣшливо улыбнулась она; много-ль наградныхъ твоихъ, что думаешь зажить широко?

— Много-ли, мало-ль,—это кто еще знаетъ.... рублей двадцать пять...

— Хорошо-бы двадцать пять. А если....

— Да ужь не меньше же, я слышалъ, самъ казначей говорилъ.

— Хорошо-бы,.. Вотъ дрова всѣ вышли....

— Купимъ, другъ мой, самыхъ лучшихъ купимъ.

— Подметки бы къ башмакамъ подкинуть надо. Да и тебя сапоги....

— Отличныя подкинемъ, американскія... .

— Мнѣ чулочки....

— И чулочки будутъ. Будетъ и еще кое-что.... ну, да это мнѣ можно и про себя знать....

Она пристально посмотрѣла на него; онъ улыбаясь загадочно, словно говорилъ: а ну-ка, попробуй отгадать....

— Ты что еще задумалъ тамъ?—стыдливо спросила она.

— Ну, ужь этого, Лизокъ, не скажу и тебѣ до поры до времени. А хорошо будетъ!

Онъ обнялъ и поцѣловалъ ее. Она покраснѣла, потому что въ догадливой головкѣ ея мелькнула мысль о маленькой, хорошенькой шляпкѣ.

И бѣдный, сгорбленный чиновникъ мирно заснулъ, убаюканный сладостными грезами. Снились ему сѣренькія бумажки, обѣдъ съ говядиной, подметки, новыя пуговицы къ старому вицмундиру, казначей съ зазывающей улыбкой, шляпка, складки на толстой шеѣ начальника, бѣлый галстукъ и даже халатъ.... Мало ли что можетъ присниться чиновнику, которому, предстоитъ получить не далѣе какъ послѣзавтра награды!...

II

Праздникъ прошелъ для супруговъ, какъ и большая часть праздниковъ: обѣдали съ говядиной, потому съели власть, потому она успѣлась шить, и онъ — строчить, строчить, строчить до поздней ночи.

Пасталъ день разлачи наградныхъ. Веселый, сіяющій, въ блестящихъ, сіяющихъ сапогахъ, въ торжественно — вычищеномъ вицмундирѣ съ сіяющими пуговицами, чуть не до свѣта отправился Миша въ должность. Рядой инвалидъ-швейцаръ, никогда ничему не удивлявшійся, только плечами пожалъ.

— Вы, кажется, не были на вчерашнемъ обѣдѣ? — спросилъ у него кто-то изъ товарищей.

— На обѣдѣ? На какомъ обѣдѣ?

— Въ честь его—ства? По подпискѣ? Да вы развѣ не знаете?... Развѣ вы не участвовали въ подпискѣ?... Впрочемъ, это все равно: Ардальонъ Потапычъ, конечно, вычтеть изъ слѣдуемаго вамъ.

Миша опрометью бросился къ казначею.

— Развѣ вы ничего не слышали о прекрасномъ поступкѣ вашихъ сослуживцевъ? — съ любезной улыбкой сказалъ Ардальонъ Потапычъ;—его—ство очень тронуты такимъ выраженіемъ благодарности къ его трудамъ и заботливости о служащихъ подъ его начальствомъ; его—ство приказали мнѣ благодарить всѣхъ.... въ томъ числѣ, разумѣется, и васъ. Такъ вы ничего не знаете?... Ахъ, я и забылъ: вѣдь вы не были на обѣдѣ!...

— Я... не былъ.... на обѣдѣ,—машинально повторилъ Миша.

945621
ЦУНБ им. Н.А. Некрасова
Отдел хранения фондов

ль,
могли
ваться,
памяти

— Конечно, конечно, — улыбался казначей; — нельзя же вамъ предстать предъ его—ство, окруженное избраннымъ обществомъ, въ такомъ костюмѣ....

Казначей окинулъ Мишу презрительнымъ взглядомъ.

— Впрочемъ, это все равно, — продолжалъ онъ, — вы, конечно, не за наградными пришли ко мнѣ?..

— Напротивъ, Ардальонъ Потапычъ, мнѣ сказали, что сегодня можно будетъ получить....

— Но, вѣдь, вамъ ничего не слѣдуетъ. Разомните: наградныхъ приходилось по десяти рублей семнадцати съ половиною копѣекъ—они употреблены на серебряный кубокъ, торжественно поднесенный вчера его—ству. Потомъ съ васъ приходилось три рубля за обѣдъ — это я вычту изъ вашего жалованья.... Да что съ вами?..

Блѣдный Миша ухватился обѣими руками за столъ и глухо стоналъ.

— Вамъ нездоровится? вы больны?—засуетился казначей, недовѣрчиво заглядывая въ его бессмысленно блуждающіе глаза;— скорѣй—скорѣй отправляйтесь домой!.. Пожалуста, поберегите себя!

Опустивъ голову на грудь, шатаясь, ушелъ Миша домой. Первое, что бросилось ему въ глаза, было пустое мѣсто, на которомъ онъ привыкъ столько времени видѣть небольшую въ серебряномъ окладѣ икону. Онъ болезненно зарыдалъ и безчувственный упалъ на полъ.

Лизокъ не спрашивала его о наградныхъ.

Собравъ послѣднія крохи, она отправилась съ нимъ въ больницу. Миша заболѣлъ сильнѣйшей нервной горячкой. Говорять, онъ живъ еще, но врядъ-ли понравится!..

И. О. З.—въ.

ГЕНІАЛЬНЫЙ КВАРТЕТЬ СЪ СЮРПРИЗОМЪ

ИЛИ ПРИСКОРБНАЯ ИСТОРИЯ ЗОЛОТАГО ЖЕЗЛА.

Во время оно, въ день забытый,
Когда здѣсь царствовалъ скандалъ
И Лопуховъ съ мудрой свитой
Межъ нами гордо возсѣдалъ,—
Дуриловъ, градъ нашъ, отъ бездѣлья,
Чтобъ показать гуманный свѣтъ,
Съ благотворительною цѣлью
Однажды вздумалъ дать квартетъ.

Когда-бъ дуриловцы не спали,
Когда-бъ ихъ разумъ не коснѣлъ,
То чепухи-бъ не затѣвали
Для совершенья добрыхъ дѣлъ.

Вотъ собрались: Крыловскій Мишка,
Жезлъ, козлище-самодуръ,

Mesdames: проказница мартышка,
Папи, Зизи и Помпадуръ.—
Для управленія оркестра,
Для музыкальныхъ стройныхъ позъ,
Былъ избранъ публикой маэстро—
Митюшкинъ, дивный виртуозъ.

Когда-бъ дуриловцы не спали,
Квартетъ не вздумали-бъ играть,
Да и Митюшкина-бъ не стали
Къ себѣ въ маэстро избирать.

Митюшкинъ былъ хоть не чиновень...
Ему, однако-жь, не примѣръ

Ни Веберъ славный, ни Бетховень
И ни Моцартъ, ни Мейерберъ...
И потому онъ принялъ гордо

Такую выборную честь,
Рѣшившись музыкою твердо
Фуроръ жестокой произвестъ.

Когда-бъ дуриловцы не спали,
Квартетъ не вздумали-бъ играть,
Они-бъ маэстро не избрали,
И онъ не смѣлъ бы возмечтать.

Чтобъ дерижировать квартетомъ,
Почтить Митюшкина главу,
Опредѣлялося совѣтомъ
Купить «золотую булаву».
Изъ суммъ для бѣдной брата жалкой
Былъ купленъ жезлъ съ шестьсотъ рублей...
И замахалъ «золотою палкой»
Митюшкинъ—дивный чародѣй!..

Когда-бъ дуриловцы не спали,
То не надѣлали бы зла
И суммы-бъ бѣдныхъ не теряли
На покупаніе жезла.

Брячали клавиши; визжали
Квартета дико голоса...
У бѣдной публики вставали
Отъ страха дыбомъ волосы...
Жезлъ дерижировалъ звѣрищемъ...
Намъ Лопуховъ тоже вылъ:
«Когда я былъ Аркаскимъ принцемъ,
Тогда съ Амуромъ въ дружбѣ былъ»...
Когда-бъ дуриловцы не спали,
Имъ не пошла на умъ бы блажь
И сумму-бъ даромъ не теряли,
Чтобы сострацать ералашъ.

своидаей А.Н. им. АНУ
водноф. инконкт. подго

— Вышеи, Павелъ Петровичъ, для праздника!
 — Не могу, право не могу. Во-первыхъ, я пьющихъ никогда не пью,
 во-вторыхъ—миѣ это вредно, а въ-третьихъ—я только что выпилъ.

Квартетъ былъ дикъ, цвѣтистъ и ярокъ,
 Въ восторгъ всю публику привелъ,
 И жезлъ златой себѣ въ подарокъ
 За трудъ Митюшкинъ приобрѣлъ.—
 Въ немъ отъ такой благой находки
 Чуть-чуть не вымерла душа...
 А бѣднякамъ отъ этой сходки
 Възмъ не досталось ни гроша!...

Когда-бъ дуриловцы не спали,
 Былъ безъ жезла бы *саволръ*.
 И бѣдняки-бъ не ожидали
 Себѣ напрасно Божій даръ.

По окончаніи скандала,
 Какъ драгоценнѣйшій залогъ,
 Митюшкинъ съ гордостью сначала
 Златую палочку берегъ.—
 Но жгло его корысти чувство...
 Лукавый бѣсъ его смутилъ,
 И, даръ пріятный за искусство,
 Митюшкинъ жезлъ свой заложилъ!

Когда-бъ дуриловцы не спали,
 Не натворили-бъ глупыхъ дѣлъ,
 Жезла бы даромъ не давали,
 И жезлъ въ трубу-бъ не улетѣлъ!...

Когда дуриловцамъ открылась
 Судьба жезла отъ неудачъ,
 Тогда все общество смутилось,
 Поднялся вой и страшный плачъ.—
 Митюшкинъ въ страхѣ; всѣ рыдаютъ,
 Клянутъ маэстро и квартетъ...
 «Гдѣ жезлъ завѣтный?» восклицаютъ...
 — Увы, въ трубѣ! режутъ въ отвѣтъ.

Когда-бъ дуриловцы не спали,
 Квартетъ напрасно-бъ не ревѣлъ,
 Жезла-бъ маэстро не давали
 И жезлъ въ трубу-бъ не улетѣлъ!...

Владиміръ Стародубскій.

ли,
 огли
 ться,
 памяти

СКАНДАЛЪ ВЪ РАСПРЕМИЛОЙ СЛОБОДѢ

Вотъ теперь, пожалуй, и я повѣрю тѣмъ самодѣльнымъ пророкамъ и пророчицамъ, которые страшали русскій народъ нарожденіемъ антихриста.... Какъ только совершился въ нашей Распремилой Слободѣ скандалъ, о которомъ я теперь намѣренъ рассказать, такъ я въ ту же минуту и подумалъ: ахти, батюшки мои, должно быть скоро настанетъ свѣта преставленіе; зане возсташа отецъ на чада своя и чада на родителя. И бысть власотрясеніе велие и препираніе страшное!...

Еще въ прошломъ году рассказывалъ я о нѣкоемъ Самодурѣ Дурандалычѣ, коренномъ обывателѣ нашей слободы, такъ вотъ этотъ-то Самодуръ довелъ наконецъ свое самодурство до послѣдней степени безобразія. И зародится же, подумаешь, этакой звѣрь въ образѣ человѣческомъ! Кажется, человѣкъ ужъ пожилой, имѣетъ пять сыновъ-молодцевъ, и всего у него вдоволь: на фабрикѣ работаетъ человѣкъ до двухсотъ и домъ большой и мощна толста; только бы жить похристіански, да дѣтямъ добрый примѣръ своей жизнию подавать, а нашъ Самодуръ тѣмъ только и беретъ, что своихъ сынковъ въ бараній рогъ гнетъ, что же касается до совѣсти и честности, такъ нашъ Самодуръ Дурандалычъ не только человѣка, даже и Бога-то готовъ обмануть. Закажетъ, на примѣръ, обѣдни у покойныхъ по своимъ родственникамъ служить, или панихиды-гамъ, или что другое, да и поровнять, чтобы денегъ за это не заплатить, и ходи къ нему причетъ цѣлый годъ да кланяйся, да и то издали, иначе какъ разъ облаегъ... Да что ужъ и говорить, —родныхъ дѣтей своихъ обобрадъ!

Поженилъ Самодуръ старшаго сына и взялъ его съ невѣсткой въ свой домъ, а капиталъ, который сынъ взялъ за женой, прибралъ къ своимъ рукамъ: ты, дескать, еще молодецъ, вкусу не знаешь въ деньгахъ, орудовать ими не умѣешь, такъ ужъ лучше деньги-то я возьму, а ты ступай фабрикой заправлять. И пошелъ сынъ фабрикой заправлять и работалъ тамъ съ утра до ночи, не годъ и не два, а много лѣтъ. Дѣтей у сына покапилось, и одежда на всѣхъ ихъ поизносила. И не одинъ разъ приставалъ сынъ къ родителю съ покорнѣйшею просьбой: пожалуй, дескать, батюшка, деньжонокъ мнѣ малую толику, потому, дескать, большую я *нужу* терплю, и всяку копѣйку тебѣ же въ карманъ норовлю! Ты за мои труды должонъ бы мнѣ жалованье положить, а не голодомъ меня морить.... Но Самодуръ такія рѣчи всегда считалъ продерзостию и сыновнею испочтительностію, а жалованье за труды—баловствомъ—не болѣе, и вмѣсто жалованья посылалъ обыкновенно сына туда, куда, пожалуй, и дороги не найдешь, и сулилъ сыну то, что ему вовсе не надо.

Наступаетъ великій день праздника Христова; идетъ сынъ къ родителю денегъ просить. Такъ и такъ, говорить, батюшка, наступаетъ праздникъ Христовъ, оденюнка у меня съ женой поизносила; въ добры люди показаться не въ чемъ; у ребятишекъ тоже обувь съ ногъ свалилась; соблаговолите, дескать, батюшка, деньжонокъ на всякую потребу.... Какъ зарычить на него дражайшій родитель: ахъ ты такой сякой сынъ! Мало тебѣ, что ты на всемъ на моемъ продовольствіи живешь, ты еще денегъ сталъ просить? Вотъ я тебѣ дамъ денегъ!... Да и наострилъ на него кулаки. Осерчалъ и сынъ. Ты, говоритъ, батюшка, кулаки-то подалше осадил; а то, не ровень часъ,—я и сдачи дамъ. Видитъ Самодуръ, что сынъ дѣтина ражій и не шутя говоритъ; припряталъ кулаки, а сына вонъ выгналъ и дверь, которая вела изъ квартиры сына въ покои отца, велѣлъ заколотить на глухо, чтобъ и духу сыновняго не было слышно.—А тѣмъ временемъ Самодуръ просваталъ другаго сына, то есть по порядку-то онъ третій выходитъ. Свадьбу сварганилъ такую, что отдай все и то мало. На свадьбу собралъ гостей со всѣхъ волостей,—знай, дескать, нашихъ! Но вотъ и ниръ кончился и гости почти всѣ поразъѣхались; пришла пора новобрачнымъ съ родителемъ прощаться, да на покой отиравляться. Поклонился сынъ родителю: благодарствуй, дескать, батюшка, за твои попеченія родительскія. А отецъ ни съ того, ни съ сего запустилъ свои грабли въ сыновнія кудри, да и давай возить его во всѣ стороны. «Поюни, дескать, ты, молокососъ этакой, что надъ тобой всегда есть моя родительская власть, даромъ что таперича поженился. А ты завсегда помни, что я твой родитель, родитель, родитель....» Какъ вззоетъ блуглой новобрачный: «братцы, голубчики, заступитесь!...» Невѣстка молодая тоже завывала. Вѣдь какъ бы то ни было, посудите, добрые люди,—какой же счастіи она могла ожидать отъ мужа, коли ему на сонъ грядущій отецъ всѣ волосья новытербить? Да пожалуй, дескать, и мнѣ отъ свекра-то будутъ такія же трепки доставаться.... Вступился старшій сынъ, схватилъ отца за руки и сталъ держать. Отецъ взбѣленился и сталъ звать фабричныхъ: «эй, ребята, помогите! Дѣти на отца руки подняли!»

А сынъ кричитъ: никто не могъ сюда соваться, потому—наше дѣло семейное.»

— Вонъ отселева, такой сякой,—реветъ Самодуръ,—чтобъ духу твоего здѣсь не нахло!

— Нѣтъ, ты, батюшка, выдай мнѣ прежде паспортъ да деньги хоть мои-то собственныя покрайности отдай,—такъ я самъ у тебя минуты не останусь, говоритъ сынъ.

— А вотъ я допрежде тебя въ смиренительный домъ уеку, а тамъ и прогоню, горячителъ родитель.

— Нѣтъ, батюшка, говоритъ сынъ,—ты въ смири-

тельный-то домъ отдай младшаго своего сына—любимчика, который у тебя съ фабрики цѣлыми штукаами товарь таскаетъ, да на лихачахъ по трактирамъ да къ полюбовницамъ разъѣзжаетъ.» Заговорили и другіе, трое братьевъ: Ужь ежели у васъ, тятенька, Лавруша не останется, такъ и мы не желаемъ оставаться, потому, —имъ вся фабрика держится, и намъ дайте пашпорты.

Такъ вотъ посмотрѣлъ бы кто со стороны, какъ острвенился Самодуръ!... Тѣмъ, однакожь, на этотъ разъ сраженіе и кончилось.

Смекнули дѣтки, что имъ послѣ такого казууса отъ дражайшаго родителя совсѣмъ житья не будетъ, а потому, помолясь Богу, пошли къ Мировому.

— Такъ и такъ, говорятъ Мировому старшій сынъ, явите божескую милость,—сократите нашего родителя, потому — намъ совсѣмъ отъ него житья нѣтъ. Капиталомъ моимъ завладѣлъ и мнѣ не токма что за труды по фабрикѣ, а изъ моихъ кровныхъ денегъ гроша не даетъ.

Мировой какъ выслушалъ такую просьбу, такъ и ахнулъ.

— Какъ же это, господа, я буду васъ съ отцемъ вашимъ судить? Вы бы лучше какъ нибудь промежь себя сошлись...

— Да мы и не жалуемся на нашего родителя, говорить Лавруша; а вы только прикажите ему мнѣ мои деньги возвратить, да билеты намъ отдѣльные выдать, потому мы не маленькіе, сами себѣ хотимъ промыслять.

Мировой видитъ, что сыновья съ родителя по резонту ищутъ, вызвалъ Самодура. Вы, спрашиваетъ, взяли у вашего сына деньги, которыя даны были въ приданое за его женой? Взялъ, отвѣчаетъ Самодуръ.

— Такъ не угодно ли вамъ возвратить эти деньги сыну.

— Я, говорить, г. судья, изъ этихъ денегъ много на свадьбу его убилъ.

— Это была ваша добрая воля,—тратить на свадьбу денегъ сколько угодно; васъ объ этомъ никто не просилъ. Извольте отдать, а не то будетъ описано ваше имѣніе. Да ужъ кетати озаботьтесь выдать вотъ этимъ четверымъ сыновьямъ вашимъ отдѣльные паспорты; потому что они съ вами не желаютъ жить — и вы насильно удерживать ихъ при себѣ не имѣете никакого права, такъ какъ они совершеннолѣтніе.

Самодуръ какъ ни отпѣкивался, а деньги сыну выложилъ спошна.—«Таперича, говорить, не смѣй ни минуты оставаться въ моемъ домѣ.»

— Нѣтъ, говорить Мировой, вы не имѣете права тотчасъ выгонять дѣтей изъ дома, имъ надо дать время найти себѣ помѣщеніе. Можете ли вы, господа, спросилъ Мировой сыновьевъ, переѣхать въ теченіи двухъ недѣль?

— Помилуйте, г. судья, какъ только пашпорты получимъ, ни одной минуты не останемся.

— Такъ вотъ, мил. госуд., чѣмъ скорѣе исполните вы просьбу вашихъ дѣтей, тѣмъ скорѣе и дѣло это окончится.

— Ну, дѣлать нечего, такъ и быть; только я прошу васъ отправить старшаго сына въ смирительный домъ, за непочтеніе къ отцу.

— Нѣтъ, этого сдѣлать нельзя, потому что вы сами вызвали его на непочтеніе, какъ вы говорите. Развѣ можно штрафовать вашего сына за то, что онъ проситъ у васъ своихъ денегъ и не хочетъ больше работать на васъ даромъ?

И пошелъ Самодуръ, какъ не солоно хлебаль. Сыновья, кромѣ любимчика его, не заставили себя долго ждать, какъ разъ выбрались изъ родительскаго дома и завели небольшую фабричку.

Такъ вотъ какъ-съ! Напечатай кто нибудь такую рацею въ книжкѣ, такъ навѣрное подумали бы, что сочинитель изъ своей головы все это выдумалъ, а въ нашей слободѣ такія дѣла въ очію совершаются.

Разлюблималинскій.

ВЗВОЛНОВАННОЕ БОЛОТО

Тотъ уѣздный городъ, въ который приглашается читатель, есть городъ по преимуществу «прогрессивный». Еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда всѣ наши захолустья изволили опочивать богатырскимъ сномъ, въ этомъ городѣ уже проявилось — говоря литературно — *брожение идей*. Пробудился же этотъ городъ въ то доброе старое время по случаю обличенія сячки его. Такое сильное обличеніе сдѣлалъ одинъ заѣзжій юноша.

Въ одно прескверное осеннее утро появилось въ городѣ нѣсколько рукописей обличительнаго стихотворенія, которое начиналось такъ:

Минога—городъ драгоценный
Для антикварьевъ чудаковъ,
Для кисти Гогардта надменной
И для фламандскихъ мастеровъ.
Минога съ виду Мефистофель,
Умомъ—Емеля дурачекъ,
Бдять здѣсь рѣдку и картофель,
А пьютъ чистѣйшій травничекъ.

И такъ далѣе... Пробудился, т. е. не пробудился, а встрепенулся уѣздный городъ, заслыша голосъ обличителя. Да мы тотчасъ же къ городничему—великому дамскому угоднику, съ просьбою подвергнуть виновнаго обличенію въ сочиненіи «такой критики» провѣдывали, разузнавали, но обличителя обличить фактически не могли и, едва прошелъ мѣсяць, обличеніе стало забываться, а чрезъ полгода и совсѣмъ испарилось изъ памяти

П Ъ С Н Я В Ъ Л И Ц А Х Ъ

«Скажи же мнѣ,
Какъ съ первымъ ты
Разстался,
Прощался?»

«Разсталась съ нимъ
Я весело!
Прощалась,
Смѣлася.»

«Скажи теперь,
Мудреная,
Какъ ты съ другимъ
Прощалась?»

«Другой не то:
Не плакалъ онъ,
А и теперь
Все плачу я!»

вновь опочившихъ гражданъ. Опочивали же они вплоть до нашего времени, когда изъ столицъ, а потомъ уже и «изъ губерній» стали доноситься неслыханныя доселѣ вѣсти о прозябаніи провинціаловъ и еще кое-о-чемъ.

Въ этотъ-то городъ, въ 186.. году пріѣхалъ на службу молодой человекъ Александръ Николаевичъ. Жизнь «въ тихомъ уголкѣ» казалась ему чуть ли не земнымъ раемъ. Еще въ пути онъ воображалъ жителей тихаго уголка чуть не ангелами; если же и слышалъ кое-что о нѣкоторой угловатости ихъ, т. е. обитателей, то, съ трудомъ вѣря этимъ слухамъ, въ простотѣ юношескаго сердца относилъ это ни болѣе ни менте какъ къ простотѣ нравовъ....

На первый разъ такъ и случилось. Познакомясь съ весьма немногочисленнымъ уѣзднымъ кружкомъ, Але-

ксандръ Николаичъ хотѣлъ бы разцѣловать каждаго члена этого кружка: такъ ему приглянулась уѣздная патриархальность!... Что дѣлалось за кулисами — ему было пока мало извѣстно. Правда, представитель просвѣщенія мѣстнаго юношества, Моисей Пахалычъ, послѣ двухъ-трехъ свиданій съ пріѣзжимъ, смекнувъ, что это долженъ быть «парень—простакъ», — несколько не поцеремонился *усидить* у Александра Николаича графинъ веселящаго сердце человѣческое, а на другой день уже и прямо попросилъ согрѣвающей влаги. Но эту, такъ называемую здѣсь, слабость пріѣзжій не предполагалъ часто повторившеюся... А объ одномъ господинѣ Елисей Плутовичъ, по мѣстному прозвищу, Кривой-Камболъ, хотя и говорили Александру Николаичу, что онъ злоязыченъ, но—помилуйте—какже вѣрить этому тогда, когда Елисей

ПѢСНЯ ВЪ ЛИЦАХЪ

«Ктожь памятии
Останется
Душѣ твоей,
Красавица?»

«Мнѣ перваго
Конечно жаль,
Люблю же я
Послѣдняго.»

Плутовичъ принимаетъ пріѣзжаго чуть не съ распростертыми объятіями.

Вмѣсто того, чтобы перечислять другихъ лицъ, съ которыми познакомился пріѣзжій, расскажем о задуманномъ имъ спектаклѣ, въ которомъ ясно обрисовалась патриархальность тихаго уголка.

Отсутствіе достойныхъ порядочнаго человѣка развлеченій навело Александра Николаича на мысль устроить домашніе спектакли, съ тѣмъ, чтобы сборъ поступилъ на обученіе — хотя русской грамотѣ — тѣхъ дочерей бѣдняковъ родителей, которыя коснѣли въ совершенномъ невѣжествѣ, бросившемся въ глаза нашему, хотя и не чужому, наблюдателю.

Въ первомъ же *званомъ вечерѣ*, куда былъ приглашенъ Александръ Николаичъ, какъ будто для того только созерцать бой рыцарей зеленого поля, — онъ

высказалъ свою мысль о спектаклѣ. Отвѣтовъ было много. Нѣкоторые изъ свѣтлыхъ, или правильнѣе, лоснящихся головъ дряхлѣющихъ рыцарей говорили, что со спектаклемъ *сопряжено* множество хлопотъ; другіе рассуждали, что даже помѣщеніе для театра едва ли найдешь; третьи — что играть не кому и — такъ далѣе. Только двѣ-три уѣздныя барышни сочувствовали мысли Александра Николаича, впрочемъ съ одной стороны: каждая изъ нихъ предполагала занять первую *роль*, въ которой бы не преминула выказать полную граціи шаловливость для уловленія въ свои сѣти того *предмета*, который такъ долго и упрямо разчитывалъ о количествѣ презрѣннаго металла, обѣщаемаго за будущую артисткою ея дражайшими родителями.

Къ этимъ барышнямъ присоединился молодой учитель, уѣзднаго училища, давно и бесплодно мечтавшій устроить

хотя маленькую библиотечку въ захолустьѣ, куда судьба такъ безжалостно бросила его на безысходную скуку... Учителю удалось уговорить трехъ молодыхъ чиновниковъ и—работа закипѣла, такъ что чрезъ мѣсяць оставалось только выбрать пьесы и раздать роли.

Выборъ пьесъ, разумѣется, долженъ былъ пасть на пьесы, доступныя средствамъ этого театра. Когда было предложено играть пьесу, въ которой одно изъ дѣйствующихъ лицъ сатирически отзывается объ уѣздномъ судѣ, то здѣшній уѣздный судья Незамай Сѣдовичъ, узнавъ объ этомъ отъ всевѣдущаго Елисея Плutowича Кривой-Камболы и подстрекаемый имъ, жестоко возмущился, предполагая, что молокососы хотятъ колоть именно его, судью, не въ бровь, а прямо въ глазъ. Претензію свою судья Незамай Сѣдовичъ по простотѣ своей сердечной, высказалъ публично, несколько не подозрѣвая, что на немъ сбылось слово Пушкина: «Завоеетъ едуру—это а!» Кстати сказать, это былъ тотъ самый Незамай Сѣдовичъ, который въ настоящую минуту находится въ одномъ домѣ *умалишенныхъ*; въ домъ же *сзумасшедшихъ* помѣтить его оказалось невозможнымъ, поелику не подошелъ подъ категорию.

Другая пьеса «Школьный учитель», предложенная молодымъ учителемъ, такъ возмутила педагога Моисея Нахалыча, что онъ, находясь подъ великимъ куражемъ, велегласно объявилъ, что учителю пересчитаетъ ребра при первомъ удобномъ случаѣ.

И такъ сколько ни пересчитали пьесъ, ни одна не удовлетворяла такъ, чтобы, по пословицѣ «и волки были сыты и овцы цѣлы.» Если иная пьеса никого изъ будущихъ зрителей прямо не задѣвала, то требовала, напри- мѣръ, горничную и т. п., тогда какъ каждая изъ желающихъ играть барышень, желала непременно быть и на сценѣ барышней, а еще лучше *помолвленной* невѣстой, а въ тысячу разъ лучше молодой женщиной.

Между тѣмъ Елисей Плutowичъ работалъ неусыпно: въ семействахъ, къ которымъ принадлежали будущія актрисы, онъ доказалъ, какъ дважды два — четыре, что все это неприличная для дѣвушекъ затѣя, въ которой къ тому же хотятъ осмѣять на весь городъ достопочтенныхъ въ захолустьѣ людей... Въ концѣ концовъ вышло то, что Александръ Николаичъ сталъ извѣстенъ въ городѣ за *неблаговиднаго* чловѣка, не сталъ никуда являться и сдѣлался по видимому такимъ ретроградомъ, что сталъ разубѣждать молодого учителя въ возможности осуществить завѣтную его мысль... Возволнованное же болоте приняло прежній спокойный видъ.

В. Л.—говъ.

ПОДХОДИТЕ!

Подходите, подходите!
Кто что продаетъ?
Если хлѣба вы хотите—
Даромъ хлѣбъ растеть!
Легокъ трудъ притомъ: сзумѣйте
Торгъ вести собой!...
Не стыдитесь, не краснѣйте:
Нынче вѣкъ другой!
Старой жизни идеальной
Вывелся и слѣдъ....
Вѣкъ практическій, скандальный
Выступилъ на свѣтъ!
Нынче золото—смотрите—
Къ честнымъ не идетъ....
Подходите, подходите!
Кто что продаетъ?

Вы бѣдны, моя красотка!
Вѣрю отъ души!
Ваши плечи и походка
Чудно хороши!
Такъ и блещутъ ваши глазки!
Волосы—тонки....
Вы дитя.... И ваши ласки
Цѣвятъ знатоки!
Что за радость—съ красотою
Вѣчно голодать?
Вѣчно жертвовать собою,
Вѣчно горевать!
Отправляйтесь къ волокитѣ:
Деньги онъ дастъ....
Подходите, подходите!
Кто что продаетъ?

Вы что? гордость? не похвально!
Гордость грѣхъ питать!
Падо жить патриархально—
Ноги всѣмъ лизать!
И къ п.турѣ это ближе,
Трудъ весьма простой:
Только кланяться пониже,
Рожицы все строй!
Гдѣ руками, гдѣ ногами,
Гдѣ и языкомъ,
Гдѣ обоими узами,
Гдѣ и прямо—лобомъ!
И лакействуйте, и лестите:
Деньги то дастъ....
Подходите, подходите!
Кто что продаетъ!

Вы писатель? вы съ талаентомъ—
Только безъ саногъ....
О! да васъ одѣвуть франтомъ
Съ головы до ногъ!
Только свой вѣнокъ терновый,
Какъ страданій знакъ,
Промѣняйте ка на новыи,
На другой колпакъ!
Отъ блага отвернитесь
Въ пѣсняхъ и мечтахъ....
Милліонамъ поклонитесь
Съ гимномъ на устахъ!
По заказу и пишите—
Деньги то дастъ!
Подходите, подходите!
Кто что продастъ?

А. Волгинъ.

ВЫ СЫ ПА Л И Н А Ш И !

Наконецъ-то хорошая лѣтняя погода... Наши высыпали... Но кто это наши? Люди извѣстные, прославившіе себя извѣстными подвигами, люди, окрасившіе себя въ извѣстный цвѣтъ, обреченные общимъ для нихъ именемъ Буяновъ Буянычей—эти «ненеисправимые, хоть брось темпераменты, на которые одинаково раздражительно дѣйствуетъ и холодъ, и жаръ, и ведро, и непогодъ... Но каждая пора оказываетъ на нихъ какое-то особенное дѣйствіе лѣтомъ; вотъ, они какъ бы и сговорятся, и натворятъ скандаловъ въ разныхъ мѣстахъ... Такъ вотъ едва наступило лѣто, а окрестности наши уже ознаменовались разными дебоширствами и потрясеніями до того сильными, что одна беременная женщина разрѣшилась преждевременно. Въ Паркъ уже было два скандала, въ Сокольникахъ супружеская чета—оба члена пьяные—путешествовали во всю ширину гулянья съ кабацкою руганью, но главный притонъ нашихъ безобразниковъ переселился въ Царицыно; прямымъ образомъ этому способствовала желѣзная дорога—вотъ подите тутъ, какъ у насъ все это выходитъ наизворотъ: во всѣхъ странахъ, гдѣ желѣзная дорога, тамъ и цивилизація, у насъ же—гдѣ желѣзная дорога, тамъ и безобразіе. О скандалѣ въ воксалѣ уже болѣе или менѣе извѣстно, хотя рассказываютъ несравненно большее, чѣмъ напечатано, но ужь Богъ съ нами, да ведемъ не уголяешься, выберемъ лучше за городъ и остановимся на первой станціи, въ Царицынѣ.

Во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ дача, вилла, загородный домъ соединяютъ съ понятіемъ о себѣ мѣсто покоя, отдохновенія, наслажденія природой... Боже мой, сколько удобства, недорогаго комфорта и ничѣмъ (развѣ только плескомъ моря) ненарушимого спокойствія пред-

ставляетъ въ этомъ отношеніи Англія, Франція, Италія, Швейцарія... Одно озеро Комо способно привести знакомаго съ нимъ въ восхищеніе... Но мы поудержимся отъ этого—потому что со времени посѣщенія насъ славянами восторгаться чѣмъ ибудь не славянскимъ считается за грѣхъ и перейдемъ къ нашему родному—русскому. Хороши бы были для лѣтняго житья и наши Московскія окрестности, если бы вотъ не природныя привычки, еслибы не этотъ звѣрь—человѣкъ, который обезображиваетъ все, къ чему ни прикоснется. Ну, сосчитайте, пожалуста, мало ли кабаковъ подъ именами ресторановъ и овощныхъ лавочекъ выгнулось въ Паркъ, что такое стало такъ называемая добрая слободка и старое гулянье въ Сокольникахъ, во что теперь превратилось, говоря современнымъ языкомъ, торжественно-тихое и запущенно-прекрасное Царицыно?

Вотъ какія свѣдѣнія передавали намъ съ самаго мѣста о житьѣ-бытьѣ въ этомъ недавно уединенномъ и тихомъ мѣстопребываніи. Случай этотъ былъ впрочемъ еще прошлаго года, когда желѣзная дорога только строилась. Нашли тамъ дачу двѣ молодыя дѣвушки, хорошей фамиліи, дружныя одна съ другой съ дѣтства и живущія вмѣстѣ и въ Москвѣ... Живутъ онѣ тихо, скромно и нарочно выбрали мѣсто подалѣе отъ Москвы, чтобъ избѣгнуть разныхъ преслѣдованій, такъ сроднившихся съ нашими правами на ближнихъ дачахъ и называемыхъ на языкѣ нашихъ доморожденных ловеласовъ «охотою по красному звѣрю»—на ихъ бѣду къ Царицыну какъ-то особенно потянуло Замоскворѣчье, гдѣ обитаютъ и сами Буяны Буяновичи и ихъ бывшіе, всякими двусмысленными сдѣлками выбравшіеся *отъ людей* прикащики, а также и прикащики *ex professio*, которые нынче тоже эдакую шикъ—живутъ на дачахъ—знай молъ нашихъ, не даромъ мы у Буяна Буяныча дѣломъ заправляемъ. Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ, по поцу и приходъ, и мы не знаемъ ничего грубѣе и нахальнѣе подобныхъ франтовъ;—одинъ изъ нихъ, какъ рассказываютъ, человѣкъ женатый, съ бородою по локоть—узкіе калмыцкіе глаза и калмыцкіе скулы—весь складъ прожорливой акулы; другой, повидимому, тотъ, что поситъ и поестъ, и шанку на бекрень... Оба они поселились также въ Царицынѣ и къ несчастію промежду дачъ, занимаемыхъ достойными во всѣхъ отношеніяхъ помощниками Буяновъ Буянычей... Житья не стало бѣднымъ дѣвушкамъ: Буяны преслѣдовали ихъ на каждомъ шагу, проломали калитку въ нѣзъ небольшой садикъ, и шныряли черезъ него ежеминутно, заглядывали въ окна, говорили разными остроты въ ихъ духѣ, такъ что бѣднымъ дѣвушкамъ оставалось или уходить въ садъ, или сидѣть въ душныхъ комнатахъ; въ саду, впрочемъ, тоже было не легче—тамъ къ сосѣдямъ-буянамъ присоединялись новые.

Что же, теперь, если бы судьба загнала двухъ такихъ дѣвушекъ, при настоящемъ положеніи, въ Царицыно, когда и въ саду стоитъ дымъ-коромыслемъ, когда тамъ во всю ночь дебоши и дебоширства, и приѣзжающіе по желѣзной дорогѣ развозятся на крестьянскихъ подводахъ. Говорятъ, что есть похожее на это.

Куда-жь бѣжать,
Тоску дѣвать?...

Что ты вотъ станешь дѣлать—ничто не дѣйствуетъ на Буяновъ Буяновичей и ихъ отродья—грубая сила ихъ забираетъ все кругомъ—и деньги, и дачи, и право на все тихое, безотвѣтное. Когда же это А. П. Островскій съ исторической драмы воротится снова на современную комедію: отъ матеріала руки ломаются!

Запоза.

МЫ—ВЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ СОБРАНИИ!

Если въ одномъ губернскомъ городѣ существовало до сихъ поръ два клуба: дворянскій и купеческій, то иной читатель, можетъ быть, спроситъ: за чѣмъ было устраивать третій, подъ названіемъ «общественное собраніе»? А вотъ за чѣмъ. Такъ какъ въ первыхъ двухъ клубахъ зеленые столы вытѣснили уже всякую другую мебель, то одна, непринадлежавшая ни къ которому клубу, партіи объявила подиску на устройство общественнаго собранія. Въ проектѣ устава собранія говорилось, что открывается оно съ цѣлю, во первыхъ, сближенія сословій, во вторыхъ, доставленія всѣмъ желающимъ приятныхъ развлеченій и возможности обмѣна мыслей, для чего предполагалась и библіотека «на самыхъ широкихъ началахъ». Кто же будетъ спорить, что все это болѣе чѣмъ прекрасно. Но «не разъ уже твердили міру,» что между словами нѣкоторыхъ нашихъ прогрессистовъ и дѣлами ихъ не рѣдко оказывается непроходимая бездна.

И вотъ что случилось при открытіи собранія.

Въ числѣ двухъсотъ членовъ и гостей, были двѣ дѣвушки, одѣтыя скромно и державшія себя совершенно прилично. Одинъ изъ учредителей и онъ же дежурный старшина, назовемъ его г-нъ Птицынъ, танцевалъ съ одной изъ этихъ дѣвушекъ кадрили. По окончаніи танца, знакомый г. Птицыну, положимъ г-нъ Скверноповеденскій, объявляетъ г. Птицыну, что эти двѣ дѣвушки не могутъ быть терпимы въ собраніи потому что онъ, г. Скверноповеденскій, ихъ знаетъ, что «онъ и то и сѣ»... Основавшись на этомъ заявленіи, г. дежурный старшина Птицынъ выводитъ изъ собранія дѣвушекъ....

На другой день у одного изъ Мирowychъ Судей было болѣе ста зрителей и еще болѣе того ворогилось отъ воротъ его дома, за наимѣншемъ помѣщеніи.... Г. Птицынъ оштрафованъ за выводъ изъ собранія тѣхъ двухъ дѣвушекъ пятидесятью рублями. Библіотеки въ собраніи нѣтъ и нѣтъ. за то за зелеными столами истинно сліяніе сословій и обмѣнъ мыслей на счетъ семи въ червахъ и тому подобнаго. Ну, и буфетчикъ отъ продажи распивочнаго элексира находится въ полномъ авантажѣ!

Не—онъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Открыта подписка на «Развлеченіе» на второе полугодіе, съ 1-го Іюля по 31 Декабря. Цѣна въ Москвѣ безъ доставки ДВА р. с.; съ доставкою на домъ ДВА р. 50 коп.; съ пересылкою въ города ТРИ р. с.

СОДЕРЖАНІЕ.

Дьявольское навожденіе. А. П. Волгина.
Наградныя. Н. О. З—на.
Геніальный кварталъ. Стих. Владимира Стародубскаго.
Скандалъ въ распремиловой слободѣ. Разъ людиналинскаго.
Взволнованное болото. Лавр—ова.
Подходите. Стих. А. Волгина.
Высыпали наши. Занозы.
Мы—въ общественномъ собраніи! Не—онъ.
Объявленіе.
Рисунки.

Редакторъ—Издатель Ф. М. Миллеръ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Императорское Русское Общество Акклиматизаціи животныхъ и растеній устраниваетъ выставку пчеловодства на образцовой пасекѣ въ Измайловскомъ звѣриницѣ, за Семеновской заставой, съ 27-го Іюля по 2-ое Августа. Предметы пчеловодства принимаются до 24-го Іюля включительно. Адресоваться на имя управителя пчельникомъ Гавріила Александровича Александрова. За участіе на выставкѣ гг. производители получаютъ медали: а) золотыя, б) серебряныя и в) бронзовыя.